

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СССР И РОССИИ: 1940–2000-е гг.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Послевоенная языковая политика в СССР четко распадается на два периода:

- 1) период 1940 гг. — середина 1980-х гг., когда языковая политика осуществлялась в условиях стабильности государства;
- 2) период с середины 1980-х гг. до 1991 г., характеризовавшийся дезинтеграцией государства, результатом которой стал распад СССР и образование на его месте 15 независимых государств.

Советская языковая политика в 1940–1980-е гг.

Советская языковая политика послевоенного времени вплоть до конца 1980-х гг. отличается относительной стабильностью. В целом можно говорить о неуклонном повышении статуса русского языка относительно статуса других национальных языков, однако это не было результатом планомерной политики русификации со стороны центральной власти. Более того, ряд мероприятий именно центральной власти показывает ее стремление сохранить национальные языки, в том числе и языки народов Крайнего Севера.

Существовал ряд объективных причин, для того чтобы русский язык получал все большее распространение на территории СССР: централизация управления страной требовала выбора в пользу одного из языков, который должен был служить средством межнационального общения в многонациональной стране; единый язык был необходим и для успешного развития науки. Единый язык требовался для успешного управления армией и флотом. Все это создавало предпосылки для повышения в советском обществе роли русского языка. Вместе с тем Советское государство не отказывалось от провозглашенных после 1917 г. лозунгов о равноправии языков. Действительно, советс-

кие власти активно поддерживали развитие художественной литературы и театра на национальных языках.

Повышение статуса русского языка в советском обществе приводило к тому, что он начинал обладать в глазах населения престижностью. Родители, желавшие успешной карьеры своему ребенку, делали все, чтобы тот овладел русским языком. Как следствие, происходит сознательный отказ части населения от своего языка как языка малопрестижного. Этот процесс мог усиливаться осознанием русского языка как языка «правильного», кодифицированного в противовес родному языку, который воспринимался как «неправильный», «диалект». Последнее было распространено среди значительной части белорусов и украинцев в силу генетической близости украинского, белорусского и русского языков. Представление о русском языке как о языке нормированном имело, впрочем, и реальное основание: выдвижение русского языка в качестве языка управления и науки действительно заставляло власти страны заботиться о его активной кодификации.

Причиной, заставлявшей население отказываться от родного языка, могла быть не только вертикальная мобильность (желание сделать карьеру), но и горизонтальная мобильность, а именно переезд людей из сельской мест-

ности в города (городское население СССР увеличилось с 18 % в 1926 г. до 33 % в 1939 г. и до 66 % в 1989 г.; В РСФСР соответственно с 18 % до 34 % и затем до 74 %) или даже в другие районы страны, а для мужчин также служба в армии. Оказываясь в иноязычном или многоязычном окружении, люди вынуждены были выучивать русский язык как единственное средство общения.

Таким образом, если и можно говорить об определенной доле русификации в СССР (главным образом вынужденной, связанной с нормальным функционированием многонациональной страны), то одновременно можно констатировать и мощное русификаторское движение, шедшее снизу от самого населения. В целом картина распространения русского языка среди нерусского населения СССР заметно различалась в зависимости от статуса национального языка (язык национальной республики, автономии), от того, использовался ли национальный язык в качестве средства межнационального общения, от численности носителей языка, от степени их урбанизации и от ряда др. причин.

Существование единого многонационального государства требовало использования русского языка в качестве единого средства общения. Применение национальных языков в делопроизводственной сфере оказывалось

неэффективным, как показал опыт 1920–1930-х гг., поскольку, даже при наличии развитых национальных языков (что было далеко не всегда) это усложняло коммуникацию, требовало переводчиков и вело к увеличению документооборота. В связи с этим государство заботилось об овладении русским языком всеми жителями страны. В 1960-е гг. русский язык был объявлен вторым родным языком для каждого нерусского гражданина страны, тем не менее владение русским языком во многих национальных республиках оставляло желать лучшего. Данные переписи 1989 г. показывают, что 30 % башкир и татар, 36,6 % латышей, почти 40 % казахов, около 53 % армян считали, что они не владеют русским языком. Лучше всего русским языком владели на Украине, в Белоруссии, Молдавии и Прибалтике; несколько хуже ситуация была в Казахстане и Закавказье, хуже всего — в Средней Азии (данные переписи 1989 г. выявляют, что русским языком владели около 24 % узбеков, 27,6 % туркмен, около 35% киргизов).

Пример Средней Азии особенно интересен, т. к. показывает, каким образом традиционный аграрный характер деятельности местного населения препятствовал распространению русского языка. Население среднеазиатских республик четко делилось на коренное, занятое в сфере сель-

ского хозяйства, мелкого производства и торговли, и некоренное население (русские, украинцы, немцы, татары), занятое в сфере индустрии и техники. Точкой соприкосновения коренного и некоренного населения было только бытовое общение в городе, в этом случае использовался русский язык. В общем же, стимулов для освоения коренным населением русского языка и освоения некоренным населением местных языков не было — и то и другое жило как бы в разных мирах (это проявлялось даже в среднеазиатских городах, где коренное и некоренное население селилось зачастую в разных районах). Государство прилагало немалые усилия для распространения русского языка в Средней Азии, но, как отмечает А. Н. Баскаков, даже те коренные жители, которые осваивали русский язык, делали это не благодаря государственной политике (через преподавание русского языка в школах и вузах, через радио- и телевидение на русском языке и проч.), а на 60–70 % через общение на работе или во время службы в армии.

Для улучшения знания русского языка нерусским населением страны государство стремилось к тому, чтобы вводить его в национальных школах как можно раньше — в идеале с первого класса. Так, в Армении русский язык преподавался сначала с третьего класса, с 1948 г. — со

второго класса, а с 1957 г. — с первого. К 1975 г. русский язык преподавался с первого класса в девяти республиках, а в остальных — со второго. Последними республиками, перешедшими на преподавание русского языка с первого класса, были Литва и Эстония; произошло это в 1980 году. В 1970–1980-е гг. проводилась кампания за введение русского языка уже в детских садах.

Из национальных языков в наиболее выгодном положении оказывались титульные языки национальных республик. Конституциями некоторых республик (в частности, Грузии, Армении и Азербайджана) титульные языки даже объявлялись государственными. Титульные языки национальных республик в целом устойчиво использовались в сфере бытового общения, в прессе и художественной литературе, а также в местном делопроизводстве. Некоторые из этих языков в пределах своих республик использовались в качестве средства межнационального общения — так, например, было в Грузии, Азербайджане и в Таджикистане. Распространение в этих республиках соответственно грузинского, азербайджанского и таджикского языков в качестве средства межнационального общения отличалось жесткостью, нехарактерной для РСФСР и для СССР в целом. В Грузии происходила ассимиляция мегрелов и сванов, а попытка

проводить ассимиляторскую языковую политику в отношении Абхазии и Южной Осетии привела в 1978 году к демонстрациям и протестам (были даже призывы к выходу этих республик из состава Грузинской ССР). В Таджикистане происходила активная ассимиляция памирских народов и ягнобцев, в Азербайджане — талышей и лезгинов (часть лезгинов жила в Дагестанской АССР, и там у них был свой письменный язык — в отличие от азербайджанских лезгинов). Тенденция к ассимиляции гагаузов существовала в Молдавии.

Однако, несмотря на высокий юридический статус титульных языков в национальных республиках, им было невозможно конкурировать с русским языком (хотя его статус в Конституции 1977 г. никак юридически не определялся). Уже говорилось, что русский язык выступал в качестве общегосударственного языка делопроизводства (языки национальных республик в этом отношении имели ограниченное использование), но неравенство русского и национальных языков проявлялось и в издательской сфере. С одной стороны, общие цифры издаваемой в конце 1970-х — первой половине 1980-х гг на национальных языках литературы впечатляют и как будто свидетельствует о равенстве национальных языков с русским. В 1984 г. на национальных языках было издано 15 149 книг общим

тиражом примерно 226 млн экз., из них 2019 книг на украинском языке, на литовском — 1940, на грузинском — 1714, на эстонском — 1274 и т. д. В том же 1984 г. на национальных языках издавалось 2377 газет, из них 1275 на украинском языке, 204 газеты на узбекском языке, 172 на казахском языке и т. д. (ср. с данными 1978 г.: на украинском языке выходило 1304 газеты, на узбекском — 180, на азербайджанском — 95, на литовском — 96). Однако за общими цифрами скрывается значительный дисбаланс по отдельным рубрикам: издаваемая на национальных языках литература проходила главным образом по рубрикам художественная и детская литература, педагогика и образование, сельское хозяйство, что касается литературы по биологии, медицине, истории, то она издавалась в основном на русском языке, литература, посвященная вопросам промышленности, информатике, военному делу, кибернетике издавалась почти исключительно на русском языке. Это свидетельствует о том, что в функциональном плане русский язык и национальные языки были несопоставимы.

Тиражи издаваемой в Советском Союзе на национальных языках литературы определялись двумя факторами: числом носителей языка и статусом языка (тиражи книг на титульных языках совет-

ских республик всегда были больше тиражей книг на остальных национальных языках). В качестве примера регулирования объема издаваемой литературы исходя из числа носителей того или иного языка можно привести Азербайджан. В 1979 г. там, согласно переписи, проживало 6 027 тыс. человек, из них азербайджанцев 4 709 тыс., армян — 475 тыс., русских — 475 тыс. Пропорции тиражей и числа выходивших газет приблизительно отражали национальные пропорции в республике: в 1978 г. там издавалось 95 газет на азербайджанском языке (общим тиражом ок. 400 млн экз.), 13 газет на русском языке (общим тиражом около 107 млн экз.) и 11 газет на прочих языках (общим тиражом около 20 млн экз.).

Не всегда юридический статус титульного языка национальной республики гарантировал языку благоприятное развитие. В этом отношении примечательно положение украинского и белорусского языков, которые оказались в советское время в неблагоприятной ситуации. Внешне дело обстояло благополучно: цифры изданий на украинском и белорусском языках впечатляли, по числу научных публикаций украинский язык находился во втором десятке языков мира. Тем не менее опросы показывали неуклонное уменьшение числа украинцев и белорусов, считавших соответственно украинский и белорусский

язык родным. Вместо предсказываемой в 1920 гг. украинизации городов происходил обратный процесс: до трех четвертей жителей восточной Украины считали родным языком русский. Ситуация, видимо, была бы еще хуже, если бы роль украинского языка не поддерживалась сверху. Положение белорусского языка было еще тяжелее, и в конце 1980-х годов белорусы, считавшие родным белорусский язык, находились в меньшинстве во всех районах Белоруссии. В республике отсутствовало высшее образование на белорусском языке (кроме специальности «белорусский язык и литература»). В начале 1980-х гг. была лишь одна белорусская полная средняя школа (в то время как в 1927 г. в белорусских школах училось 90 % детей). В случае с Украиной и Белоруссией дело не шло о насильственной русификации властей — русификация шла скорее снизу: в связи со значительной близостью восточнославянских языков русский язык как более престижный вытеснял белорусский и украинский языки, воспринимавшиеся не только русскими, но и носителями этих языков, как языки деревенские.

Статус языков автономных республик, областей и округов был ниже статуса титульных языков национальных республик, однако из этого отнюдь не следовало, что положение первых было хуже положения последних. Ситуация с

национальными языками РСФСР была очень неоднозначной — наряду с вымирающими языками народов Крайнего Севера были языки, которые демонстрировали значительную устойчивость. Носители национальных языков оказывались в своей массе билингвами: используя родной язык как средство общения в быту, они легко переходили на русский язык в его нормированном варианте в остальных речевых ситуациях. Русский язык был также средством общения в смешанных семьях. У некоторых народов (например чувашей) билингвизм как массовое явление распространился еще до революции 1917 г., у других народов (например у бурятов) — в советское время. Можно говорить, таким образом, о функциональной дифференциации русского и национальных языков. Русификация нерусских наций в РСФСР была не следствием планомерных мероприятий, а следствием общих изменений в структуре советского общества — прежде всего урбанизации и индустриализации. Перебираясь в города, носители нерусского языка сознательно отказывались от родного языка как от более низкого по статусу. По статистике, приводимой А. Н. Баскаковым, за 1970–1989 гг. доля утративших владение родным языком бурятов, коми, чувашей, марийцев, удмуртов увеличилась в два раза, у мордвы

и карелов — в полтора раза. Частично такое положение дел было связано с проводимой языковой политикой: в послевоенный период шло быстрое сокращение числа школ на национальных языках — в 1960-х гг. в РСФСР шло преподавание на 47 языках, в 1982 — на 17 языках (из них в объеме выше 4-классной начальной школы преподавание было лишь у татар, башкир, якутов, тувинцев). Очень быстро свертывание национального образования происходило в годы Н. С. Хрущева: решением местных властей преподавание на карельском языке было прекращено в 1956–1958 гг., на бурятском — в 1960 г., на калмыцком — в начале 1960-х гг., на кабардинском и балкарском — в середине 1960-х гг. Но не меньшую (а в ряде случаев и большую) роль в свертывании образования на национальных языках играло отношение местного населения к национальным школам. В 1958 г. при проведении школьной реформы родители ребенка получили право выбора для него школы — русской или национальной. Одним из результатов реформы стало сокращение числа учеников национальных школ и как следствие сокращение количества национальных школ. Родители предпочитали отдавать своих детей в русские школы, т. е. преподавание русского языка в национальных школах было малоэффективным, а плохое знание

русского языка могло помешать последующему получению высшего образования и возможности сделать хорошую карьеру. Таким образом, закрытие национальных школ в ряде случаев было вынужденной мерой из-за их малой наполняемости учениками.

Закрытие национальных школ препятствовало развитию национальных языков, вело к сужению функций национальных языков. Государство хоть как-то пыталось сдерживать исчезновение языков, поощряя издательство книг и газет на национальных языках, а также выделяя часть времени радио- и телевещания национальным языкам. Происходила поддержка национальной литературы и национального театра. Все это сдерживало процесс исчезновения национальных языков, но не могло его остановить: национальные языки в глазах их носителей имели низкий социальный статус, на них продолжали говорить в сельской местности, но с переездом в город происходил сознательный отказ от их употребления в пользу русского языка. Характерно, что наибольшей устойчивостью оказывались национальные языки мало урбанизированных областей — башкирский, мордовский, бурятский, тувинский языки.

Наиболее тяжелая ситуация сложилась в СССР с языками Крайнего Севера, с языками репрессированных народов (немецкой и крымско-татарский языки),

а также с идишем. Судьба идиша особенно любопытна: на протяжении XX в. число его носителей стремительно уменьшалось. Для евреев, говоривших на идише, язык связывался с культурой гетто и вызывал отрицательные культурные ассоциации, поэтому многие евреи сознательно отказывались от него в пользу русского языка. Другим фактором, способствовавшим отказу от идиша, был высокий уровень урбанизации евреев. По данным Г. Льюиса, число советских евреев, считавших идиш родным языком, сократилось с 71,9 % в 1926 г. до 17,7 % в 1970-м.

Тяжелое положение некоторых языков Сибири и Дальнего Востока было вызвано другими причинами: эта зона стала объектом активной экономической разработки, и народы, населявшие эту территорию, столкнувшись с современным индустриальным обществом, не смогли пережить культурный шок. Традиционный уклад этих народов, связанный с охотой, рыболовством и оленеводством, не смог модернизироваться под требования современного общества. Как отмечает Н. Б. Вахтин, коренное население Севера никогда не было объектом истребления и подавления. Более того, в конце правления Л. И. Брежнева даже предпринимались попытки возрождения умирающих языков, в частности

через увеличение числа национальных школ. Но мероприятия не приносили сколько-нибудь заметного успеха. Перепись 1989 г. показала значительное сокращение числа носителей мансийского, ульчского, удэгейского, нивхского, ороцкого языков — по сравнению с 1959 г. их число уменьшилось в 2,5–4 раза. Многие из того, что происходило на Севере, по словам Н. Б. Вахтина, «не могло не произойти»; в подобном положении оказались индейские языки Аляски, только там языки исчезали значительно быстрее, чем в СССР, — в силу большей освоенности территории Аляски.

Если в общем оценивать языковую политику в СССР в послевоенный период, то можно говорить как о сходстве, так и об отличиях в сравнении с общемировой политикой. С одной стороны, усиление позиций русского языка и постепенное угасание национальных языков очень напоминает ситуацию с английским языком в англоязычных странах. С другой стороны, наверное, больше нигде не было сделано так много для поддержки и развития художественной литературы на национальных языках, сколько было сделано в СССР. Можно говорить о том, что усиление позиций русского языка как языка межнационального общения и государства происходило не только на фоне ослабления национальных язы-

ков, но и на фоне их развития. Это особенно касалось титульных языков национальных республик, многие из которых активно кодифицируются и приобретают языковую норму в послевоенный период.

Советская языковая политика во второй половине 1980-х гг. (до 1991 г.)

Период стабильности в языковой политике СССР окончился в годы перестройки. Экономический кризис и разочарование в официальной идеологии создали вакуум, который стал заполняться различными национальными идеями, особенно это было характерно для нерусского населения. Идеализация своего прошлого, интерес к национальной истории влекли за собой и интерес к языковым вопросам, т. к. язык рассматривался как одна из важнейших составляющих национальной культуры. Особенно остро языковые проблемы стали обсуждаться в средствах массовой информации начиная с 1987—1988 гг. в связи с начавшимся периодом гласности. Многие деятели национальной интеллигенции и ряд представителей российских радикальных демократических движений доказывали, что русификация в СССР зашла слишком далеко, и требовали уравнивания национальных языков в статусе с русским. Одним из средств

преодоления неравного положения языков в стране объявлялась политика двустороннего двуязычия. Согласно этой политике не только нерусские нации должны были изучать русский язык, но и русские, проживавшие на территории нерусских наций, должны были изучать их языки, т. е. двуязычие должно было иметь не только национально-русский, но и русско-национальный характер. «Одностороннее национально-русское двуязычие... — писал М. В. Дьячков, — неизбежно приводит в целом по стране к снижению социального престижа языков других национальностей...» Исследователь продолжает: «Формирование эффективного двуязычия уравнивает тех, для кого русский язык является родным, с теми, кто овладевает им как вторым, и приведет к формированию единого языкового коллектива в пределах национального региона, обладающего знанием двух или нескольких языков, вместо нескольких языковых коллективов, контактирующих лишь частично; устранил источник языковых противоречий».

В такой позиции было, конечно, много идеалистического. Не говоря уже о финансовой стороне вопроса, — двустороннее двуязычие оказывалось в конце концов очень дорогостоящим мероприятием, — была у него и другая сторона: насколько далеко должно было заходить двуязычие, ведь

существовало огромное количество национальных языков, причем не только на территории РСФСР, но и на территории национальных республик. М. И. Исаев совершенно справедливо отмечал, что существует объективное неравенство языков и при реализации принципа свободного развития языков следует учитывать «объективные возможности (а порой и целесообразность) использования данного языка в тех или иных сферах жизни».

Следует отметить, что по языковым вопросам выступали главным образом не специалисты-языковеды, а политизированная часть общества. Существовавшее положение в языковой сфере расценивалось ими как результат сталинской репрессивной политики в отношении нерусского населения, раздавались требования вернуться к ленинской национальной политике и к опыту языкового строительства 20–30-х гг. XX в. По сути дела, рассуждения о восстановлении статуса национальных языков были промежуточным шагом на пути к требованию национальной независимости. По мнению С. Соннтаг, целью практически всех языковых движений является перераспределение власти в пользу национальных элит (к ней на определенном этапе примкнула и часть национальной коммунистической элиты). Ей вторит Т. Б. Крючкова: «языковую карту

разыгрывает не господствующая группировка, а группа, стремящаяся пробиться в языковую элиту. Люди, не имеющие в политической борьбе никаких особых преимуществ, пытаясь их добиться, стремятся создать в обществе такую атмосферу, при которой знание языка титульной нации считалось бы чуть не основным критерием при отборе руководящих кадров».

Лозунги с требованием расширить функцию национальных языков находили отклик в массах, чем — при бездействии центральных властей — воспользовалась региональная власть. Начинается расширение функций титульных языков национальных республик, что означало крушение единой языковой политики в СССР. Пользуясь неопределенностью статуса языков в советском законодательстве, республики начинают принимать законы, закрепляющие государственный статус титульных языков в советских республиках. В течение 1989 — первой половины 1990 г. законы о языках были приняты в 14 из 15 союзных республик. Последней приняла закон о языке РСФСР — в августе 1991 г. В Молдавии законом о языке была провозглашена смена системы письма с кириллицы на латиницу.

Пришедшие к власти в республиках национально-радикальные движения начали проводить

жесткую языковую политику в отношении населения, не говорившего на титульных языках, породив этнические конфликты, не преодоленные до сих пор. Речь шла не только о конфликте с русскоязычным населением, но и о конфликтах между другими этносами. Ярким примером этого служит Грузия, где уже опубликование проекта закона о грузинском языке привело к демонстрациям в Абхазии и Южной Осетии. Проект предусматривал обязательное изучение грузинского языка в школах и сдачу вступительных экзаменов в вузы на грузинском языке. В августе 1989 г. закон был принят, что еще больше ухудшило ситуацию. После же принятия в июне 1991 г. закона о грузинском гражданстве, по которому требовалась сдача экзамена на знание грузинского языка, началась открытая гражданская война, последствия которой до сих пор не изжиты.

Национальные конфликты в Молдавии и Эстонии также начались после принятия в республиках законов о языках. Правовой статус русского языка в республиканских законах о языке был определен по-разному. В Казахстане и Туркмении признавалось свободное функционирование русского языка наравне с государственными языками этих республик; на Украине, в Белоруссии, Узбекистане, Азербайджане, Молдавии, Латвии, Киргизии,

Таджикистане, Армении русский язык объявлялся языком межнационального общения; в Литве статус русского языка как языка межнационального общения признавался лишь за пределами республики. В Эстонии и Грузии статус русского языка не был никак определен.

Москва отреагировала на языковые движения республик принятием в апреле 1990 г. «Закона о языках народов СССР», которым русский язык признавался государственным языком СССР и предусматривалось развитие функций других языков. Е. В. Тренин отмечает, что в ст. 13 «Закона о языках народов СССР» «впервые <...> на уровне общесоюзного закона была сформулирована идея обусловленности замещения должности в зависимости от степени владения официальным языком», что означало отступление от политики равноправия в языковой сфере. При обсуждении законопроекта в Верховном Совете СССР депутаты прибалтийских республик и Грузии выступили против предоставления русскому языку статуса официального языка СССР и соглашались лишь на то, чтобы его объявить «языком федеративных отношений». Зато депутаты от национальных меньшинств в составе республик, как отмечает М. И. Исаев, настаивали на определении статуса русского языка как общегосударственного, видя в этом определен-

ную защиту своих национальных и гражданских прав в составе той или иной республики». К сожалению, в условиях разгоравшегося сепаратистского движения принятый закон был недостаточной (к тому же и запоздалой) мерой и серьезного воздействия на сложившуюся ситуацию не мог оказать.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Дезинтеграционные процессы в СССР привели к распаду единого государства и появлению на его месте 15 независимых государств, каждое из которых проводит свою языковую политику. В отличие от языковой ситуации в Советском Союзе в Российской Федерации вопрос о вытеснении русского языка на территории национальных образований стоит не так остро. Это связано прежде всего с тем, что русские в России составляют подавляющее большинство населения — более 80 %. Вместе с тем процесс расширения функций национальных языков, начавшись в СССР, затронул не только национальные республики, ставшие впоследствии независимыми государствами, но и национальные республики, области и округа в России.

25 октября 1991 г. Б. Н. Ельцин подписал «Закон о языках народов РСФСР». Закон закреплял

русский язык в качестве государственного: «2. Русский язык, являющийся основным средством межнационального общения народов РСФСР в соответствии со сложившимися историко-культурными традициями, имеет статус государственного языка РСФСР на всей территории РСФСР» (ст. 3). В той же статье закона признавалось право национальных республик объявлять на своей территории тот или иной язык государственным (некоторые республики на момент принятия закона уже объявили свои национальные языки государственными — так было в Чувашии, Туве и Калмыкии). Закон определял сферу обязательного использования русского языка: он использовался в работе высших законодательных органов РСФСР (ст. 11), в официальной переписке (ст. 17), в судопроизводстве и делопроизводстве высших судебных органов (в Конституционном Суде РСФСР, Верховном Суде РСФСР, Высшем арбитражном суде РСФСР и в других правоохранительных органах РСФСР) (ст. 18), в издании общегосударственных газет и журналов, в государственном теле- и радиовещании (ст. 20), в дипломатической переписке и в работе дипломатических представительств (ст. 26). Гражданам предоставлялось право обращаться с запросом в государственные органы на родном языке (ответ

должен был даваться на том же языке, на котором был сделан запрос). Статья 9 законодательно закрепляла право граждан на выбор языка обучения для своих детей. Многие положения закона, как отмечает В. М. Алпатов, оставались чисто декларативными, например право депутата выступать на родном языке (в этом случае, согласно ст. 11, должен предоставляться переводчик) — не было ни одного прецедента использования этого положения закона. Правом объявлять национальный язык государственным на территории национальных республик воспользовался ряд субъектов и на данный момент государственными являются: абазинский, аварский, адыгейский, алтайский, башкирский, бурятский, даргинский, ингушский, кабардино-черкесский, калмыцкий, карачаево-балкарский, карельский, коми (коми-зырянский), коми-пермяцкий, кумыкский, лакский, лезгинский, марийский (горный и луговой), мордовский-мокша, мордовский-эрзя, ногайский, осетинский, табасаранский, татарский, тувинский, удмуртский, хакасский, чеченский, чувашский, якутский.

Неопределенность разграничения сфер использования русского и национальных языков в республиках приводила в ряде случаев к ущемлению прав русского языка, чему способствовала слабость центральной власти вплоть до

конца 1990-х гг. Наиболее независимую языковую политику проводили такие регионы, как Якутия, Тува, Татарстан, Башкирия, Чувашия, Чечня. На языковую политику республик с мусульманским населением оказывала влияние Турция, в частности в вопросе перевода письменности этих республик на латиницу.

Латинизация алфавита рассматривалась в качестве средства оторвать эти территории от культурного влияния России. Латинский алфавит использовался в качестве символа независимости Чечни; в 1999 г. в Татарстане было принято решение о переводе татарского языка на латиницу в течение 2001—2011 гг., впрочем процесс идет очень медленно. Президент М. Шаймиев занимает осторожную позицию, и на данный момент из шагов по латинизации осуществлен перевод обучения татарскому языку в начальных классах школы; латиницей написаны названия центральных улиц Казани. В Татарстане республиканский закон о языках был принят в июле 1992 г.; согласно закону русский и татарский языки являются государственными. Уже 15 лет проводится политика выравнивания статуса русского и татарского языков, но на данный момент позиции русского языка остаются ведущими. В 2001/2002 учебном году в русских школах училось 100 % детей русских и 50,7 %

детей татар. На 1 января 2001 г. более половины СМИ вели свою деятельность на русском языке, четверть — на обоих языках и лишь восьмая часть — на татарском. В республике действовало 17 русскоязычных и 2 татароязычных коммерческих радиостанции. Государственные телеканалы вели вещание на двух государственных языках, но все коммерческие телеканалы — на русском. Введение в Татарстане двуязычия встретило неоднозначную реакцию со стороны русских: 40,6 % русских отнеслись к этому положительно, 9,5 % — отрицательно, остальные же либо считают введение двуязычия нереальным, либо относятся к проблеме индифферентно. На настоящий момент у русских Татарстана вызывает озабоченность снижение качества преподавания русского языка в республике, что уменьшает шансы их детей на поступление в российские вузы, а также низкое качество преподавания татарского языка. По закону все школьники изучают татарский язык в школе, ученики 9 и 11 классов сдают обязательные экзамены по татарскому языку и литературе, но после школы знания русских детей по татарскому языку оказываются недостаточными даже для общения в быту.

Значительно более глубокие изменения произошли в языковой ситуации в Туве и в Якутии. Следует отметить, что в советское время это были наименее руси-

фицированные территории (например, в 1989 г. русским языком владело 58,3 % тувинцев). Среди причин, по которым в Якутии и Туве проводится достаточно независимая политика в области языка, В. М. Алпатов называет следующие: 1) обособленный характер этих территорий; 2) небольшой процент русского населения (особенно в Туве; в Якутии русскоязычное население проживает лишь в нескольких городах и поселках). Тува, помимо этого, вошла в состав СССР только в 1944 г., и русский язык не успел там занять сильных позиций. Якутский язык всегда имел сильные позиции как средство межнационального общения в Якутии. В обеих республиках в советское время не прекращалось школьное образование на национальных языках и имело достаточно развитый характер. Характерно, что в законах о языке Якутии и Тувы русский язык объявляется только языком межнационального общения. В Якутии в 1993 году в два раза сократили программу преподавания в школах русского языка для учащихся 5–7 классов. В Туве в 1990-е гг. была поставлена цель полностью перевести преподавание всех школьных предметов (кроме русского языка) на тувинский язык. В середине 1990-х гг. в Туве и Якутии на родных языках обучалось 70 % детей. В 2000 году из 167 школ Тувы было 134 национальных,

7 русских и 26 смешанных школ. На данный момент тувинские дети не используют русский язык в быту. Тувинский язык широко представлен в СМИ: 60–65 % времени радио- и телевещания происходило в 2000 г. на тувинском языке. Постепенно усиливаются позиции якутского языка. В 2003 г. в Якутии была принята программа на 2004–2006 гг., направленная на дальнейшее усиление позиций якутского языка в республике: его позиции должны усилиться в парламентской деятельности, в делопроизводстве в государственных учреждениях и организациях, в использовании в названиях улиц, населенных пунктов, предприятий и географических названиях.

В целом же в языковой политике национальных республик присутствует больше декларативности, чем реальных шагов. Ярким примером служит языковая ситуация в Калмыкии. В этой республике предполагалось ввести преподавание всех предметов на калмыцком языке с 1 сентября 1991 г. Среди населения после появления закона даже возникла паника, что всех заставят говорить по-калмыцки. На деле же мало что изменилось по сравнению с началом 1990-х гг.. На калмыцком языке выходит одна газета, но весь развлекательный блок и реклама в ней печатаются по-русски. Уличные надписи лишь частично выполнены на

двух языках, а главным образом только на русском языке; на двух языках сделаны вывески государственных учреждений. Основная масса населения как общалась, так и продолжает общаться на русском языке. Если в целом оценивать языковую ситуацию в тюркоязычных республиках, то, как отмечает А. Н. Баскаков, у большинства тюркоязычных народов продолжает сокращаться социальная база родных языков и увеличиваться доля признающих родным русский язык и доля двуязычных (со вторым русским языком), доля же русских, владеющих вторым государственным языком в национальных республиках, не увеличивается. Так, по опросам, проведенным в начале 2000-х гг., в Татарстане около 98 % русских и около 71 % татар свободно говорило и читало по-русски; говорило и писало — 2,9 % русских и 70,2 % татар.

Наибольших успехов национальные республики достигли в деле возрождения национального образования. С 1992 г. 70 % школ в Кабардино-Балкарии перевели на национальные языки. В Башкортостане с 1993 г. в школах с 1 по 9 классы введен в качестве предмета башкирский язык. В Башкортостане и Татарстане появилось высшее образование на национальных языках.

При поддержке Финляндии происходит возрождение карельского языка. В 1987 г. был принят

латинский алфавит для карельского языка. Трудности возрождения карельского языка усугублялись тем, что его кодификация затруднена из-за существования двух диалектов, значительно между собой различающихся. В результате было решено пойти по пути создания двух письменных форм, одна из которых опиралась на северно-карельское наречие, а другая — на ливвиковское. Карельский язык стал преподаваться в школах республики, количество которых увеличилось с 11 в 1989 г. до 53 в 2005 г. Количество школьников, изучающих карельский язык, выросло с 300 человек в первый год обучения до 2237 человек в 2004/2005 учебном году. В Карелии выходят карелоязычные газеты «Ома муа» и «Виенан Карьяла», издаются книги на карельском языке.

Процесс возрождения и функционального развития одних национальных языков происходит на фоне исчезновения других национальных языков. На данный момент утрачены югский и ороцкий языки. К числу исчезающих ученые относят к числу такие тюркские языки, как долганский, кумандинский, тофаларский, тубаларский, тувинско-тоджинский, челканский, чулымский, шорский. Происходит исчезновение бурятского, хакасского языка, коми-пермяцкого языка, языков северных народов. В Бурятии на 2000 г. четверть бурят не знало

родного языка. Примерно 30 % коми-пермяков считают русский язык родным. Эрозия этнического самосознания у коми-пермяков приобрела устойчивый характер, и, как полагает В. С. Дерябин, наиболее вероятная перспектива — это медленное угасание коми-пермяцкого этноса.

Не последнюю роль в исчезновении языков играет экономический фактор — отсутствие экономической помощи в развитии национальных культур, в частности книгоиздания на национальных языках. Происходит неуклонное сокращение книгоиздания на хакасском языке: в 1991 году издано 8 наименований книг (общий тираж 19 тыс. экз.), в 1992 — 24 (68 тыс. экз.), в 1993 — 21 (58 тыс. экз.), в 1994 — 27 (45 тыс. экз.), в 1996 — 5 (10 тыс. экз.), в 2001 — 5 (8,6 тыс. экз.). Сокращается издание книг на эвенкийском языке: в 1991 году издано 4 книги (общий тираж 6,7 тыс. экз.), в 1992 — 3 (4,6 тыс. экз.), в 1993 — 3 (3,8 тыс. экз.), в 1994 — 3 (2,6 тыс. экз.), в 1996 — 1 (2 тыс. экз.), в 2001 — 1 (0,2 тыс. экз.). Аналогичная ситуация с книгоизданием на лакском, даргинском, табасаранском языках. Более противоречивая ситуация с книгоизданием на вепском языке: в 1991 году там было издано 2 книги (12 тыс. экз.), в 1992 году — 1 (2,1 тыс. экз.), в 1994 году — 2 (6 тыс. экз.), в 1996 году — 1 (1 тыс. экз.), в

2001 году — 2 (4 тыс. экз.). Ситуация с вепским языком, таким образом, несколько лучше благодаря спонсорской помощи Финляндии.

Если же в целом характеризовать ситуацию, то она представляется тяжелой. Восстановление обучения на национальных языках при отсутствии издаваемой на этих языках литературы является неэффективным. «...Каким образом учащиеся, обучающиеся этому языку, смогут использовать полученные знания, если на данном языке нечего читать? — совершенно справедливо задает вопрос М. В. Дьячков. В некоторых республиках вызывает опасение и состояние национальной школы, в которой началось постепенное сокращение преподавание национальных языков.

Если в 1999/2000 учебном году во всех школах республики Марий Эл марийский язык как родной или как государственный изучали 58,4 % учащихся; в 2000/2001 — 60,3 % (имелась тенденция к росту), то в 2001/2002 учебном году этот процент резко снизился до 37,1 %. В последующие учебные годы показатели изучения марийского языка еще более ухудшились. В целом можно согласиться с оценкой языковой ситуации В. М. Алпатова, что, «несмотря на некоторое изменение ситуации, для большинства регионов, как и в советское

время, надо беспокоиться не столько о судьбе русского языка, сколько о судьбе других языков, в том числе и так называемых титульных».

Список литературы

- Алпатов В. М.* 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000.
- Алпатов В. М.* Языковая политика в РСФСР: 1918–1991 // *Res linguistica*. М., 2000. С. 219–226.
- Алпатов В. М.* Языковая ситуация в регионах современной России // *Отечественные записки*. 2005. № 2.
- Баскаков А. Н.* Языковая компетенция и типы языковых контактов тюркоязычных народов Российской Федерации // *Общее и восточное языкознание*. М., 1999. С. 86–101.
- Бацын В. К., Кузьмин М. Н.* Национальные проблемы образования в Российской Федерации // *Школа и мир культуры этносов*. Вып. 2. М., 1995.
- Вахтин Н. Б.* Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб., 1993.
- Вопросы национальных и федеративных отношений. М., 2002.
- Дьячков М. В.* Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. М., 1996.

- Дьячков М. В.* Об эффективном двуязычии и соотношении русского и национального языков // Русский язык в СССР. 1991. № 3. С. 3–7.
- Дьячков М. В.* Языковая политика в современной России // Социс. 1993. № 9. С. 99–102.
- Исаев М. М.* Языковое строительство в СССР. М., 1979.
- Исаев М. И.* Закон принят. Что дальше? // Русская речь. 1991. № 1. С. 3–9.
- Исаев М. И.* Об актуальных проблемах языковой ситуации в нашей стране // Русская речь. 1990. № 4. С. 3–8.
- Кибрик А. Е.* Проблема исчезающих языков в бывшем СССР // Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Крючкова Т. Б.* Типология языковых конфликтов // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
- Макарова Г. И.* Современные проблемы развития русского языка и культуры в национальных республиках России (по материалам экспертных интервью, проведенных в Республике Татарстан) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 4. № 3 (23). С. 155–167.
- Тренин Е. В.* Государственно-правовые проблемы языка в Российской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Екатеринбург, 1999.
- Язык в развитом социалистическом обществе. Языковые проблемы развития системы массовой коммуникации в СССР.* М., 1982.
- Языки народов России: перспективы развития.* Элиста, 2000.
- Языковая ситуация в Российской Федерации.* М., 1992.